

ЛЕГКАЯ
КНИГА

Александра
РОМАНОВА

Таланты
И ПОКОЙНИКИ

Александра Романова
Таланты и покойники

«АСТ»

2011

Романова А.

Таланты и покойники / А. Романова — «АСТ», 2011

Звезда самодеятельного театра – известный актер Евгений Преображенский, по совместительству успешный бизнесмен, отличается склочным характером и обожает шпынять окружающих. Его хобби – побольнее уколоть коллегу и наблюдать за реакцией. Во время банкета по случаю премьеры его находят мертвым – на него упал испорченный блок декораций. Вскоре выясняется, что это не несчастный случай, а причины желать смерти «гению преобразования» были у многих. Автор детективной пьесы Марина с подругой Викторией, режиссером спектакля, начинают собственное расследование. Но лишь после второго убийства у них появляется шанс докопаться до истины.

© Романова А., 2011

© АСТ, 2011

Содержание

Сцена первая	6
Сцена вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александра Романова

Таланты и покойники

© Александра Романова, 2011

© ООО «Астрель-СПб», 2011

Сцена первая Репетиция

Виктория Павловна напряженно смотрела на сцену. Ну, Таша, кажется, хороша. Большого таланта у девочки нет, однако роль ей досталась словно скроенная по личной мерке. Увидевшие юное дарование впервые решат, разумеется, что открыли звезду. А увидеть будет кому, уж об этом она, Виктория Павловна, позаботилась. Она подняла свои старые богемные связи, крутилась, как вор на ярмарке, но сумела-таки заручиться обещаниями многих влиятельных критиков, да и просто известных в театральных кругах лиц. Они придут, обязательно придут на премьеру, и вот тогда – либо пан, либо пропал. Хотя никаких пропал – если на кон поставлено все, проигрыш невозможен!

Появилась Дашенька. Честное слово, в ней есть потенциал! Она-то изображает вовсе не себя, а совершенно другую личность, но кто заподозрит? Прямо-таки живет на сцене, естественная и искренняя. Удивительно, что не она, а Таша – родная племянница самого Евгения Борисовича. Кстати, сейчас его выход. Здесь волноваться незачем, Преображенский – гений и вытянул бы даже самую провальную пьесу. Только почему он задерживается? Девчонки и Кирилл, их партнер, держат паузу из последних сил.

Мощный рык заставил всех вздрогнуть. Казалось, за кулисами бушует разъяренный лев, внезапно обнаруживший, что его коварно лишили законной добычи. Однако собравшиеся твердо знали, что находятся не в дикой саванне и не в зоопарке, а в обычном Доме культуры, где из животных водятся исключительно крысы, пусть и мутировавшие под влиянием цивилизации, но вряд ли способные издавать подобные звуки. Да и никто из людей вокруг, несмотря на гордое звание актеров самодеятельной студии, не сумел бы вложить в бессловесный возглас столько страсти. Этот голос, поставленный не хуже, чем у старых мхатовских мастеров, принадлежал... кому же еще, как не Евгению Борисовичу Преображенскому!

Виктория Павловна вздохнула. Она давно выработала тактику общения со своим сложным подопечным, но каждый раз с трудом заставляла себя к ней прибегнуть. Впрочем, теперь альтернативы не было. Накануне премьеры козырную карту близящейся игры следует холить и лелеять. Поэтому пришлось порывисто вскочить и броситься в направлении загадочного рыка.

За кулисами царил бардак, благоразумно скрытый полумраком. Встревоженные студийцы кольцом стояли в коридоре, а в центре кольца возвышался Преображенский, высокий, мощный, чуть полнеющий мужчина с незапоминающимся лицом, про которое один коллега с завистью заметил: «Как чистый лист бумаги – рисуй что надо». О господи, мало ему внимания, которое магическим образом притягивает на сцене, так вечно устраивает спектакли в жизни!

– Что случилось, Евгений Борисович? Как вы нас всех напугали! Мы боялись, с вами случилось что-то страшное, но вы, слава богу, целы!

В интонации ни в коем случае не должна пробиваться ирония – сплошная восторженная забота круглой дуры о своем идеале. Он это любит.

– Если и цел, то с помощью Бога, а не этой гнусной твари, – пророкотал Преображенский, жестом отвергнутого дочерью короля Лира (совсем недавно сыгранная шикарная роль) укаывая на одну из топтавшихся рядом женщин. Невыразительные черты переменились, приобретя несомненную царственность.

От прокаженной отодвинулись, и Виктория Павловна узрела Тамару Петровну. Час от часу не легче! Тамара Петровна Полякова – очередной подарок судьбы, вторая козырная карта, на которой можно строить большую игру. Правда, Полякова не актриса, поэтому данный козырь скрыт от посторонних глаз, лишь в конце завтрашней программки (кстати, после репетиции обязательно напомнить Тамаре Петровне, чтобы проследила за работой типографии)

– так вот, в конце программки будет тускло отмечено – «ведет спектакль Т. П. Полякова». Можно б и не отмечать, да уж больно дама обидчива, чуть что – в слезы. Наверное, дело в возрасте, недаром говорится «что старый, что малый». Хотя шестьдесят – не совсем старость, так что физически и умственно Полякова в полном порядке. Всю жизнь просидев в НИИ рядовым инженером, она с детства бредила театром. С семьей как-то не получилось, вот и осталась одинокой старой девой, из тех, которые составляют ядро поклонниц многих артистов – разумеется, не смазливых мальчишек, атакуемых сексуально озабоченными акселератками, а настоящих артистов и артисток. Подобные зрительницы способны профессионально разобрать любую пьесу и наизусть помнят роли своих кумиров, тонко отличая проходные от судьбоносных. Они – идеальные потребители той неуловимой субстанции, ради которой и существует театр, но, увы, природа не дала им таланта. А они отдали бы за этот дар, за право прикоснуться к мифическому миру сцены все на свете!

В шестьдесят Тамара Петровна осуществила заветную мечту. Нет, в ней не проснулся дремавший дотоле гений, она стала не жрицей – лишь прислужницей, однако такой, без которой жрецы прекрасного не могли бы существовать.

А вот душой студии, ее богом-творцом, являлась, несомненно, Виктория Павловна Косицкая. Почти двадцать лет назад она закончила режиссерское отделение театрального института, подавала неплохие надежды, но после бурного романа вышла замуж за военного и отправилась кочевать с ним по просторам все еще необъятной, хоть и подрастерявшей изрядные куски родины. Формально работала редко, да обычно было и негде, однако не упускала случая организовать самодеятельный театр. Скучающие офицерские жены были рады проявить себя и развлечься, так что недостатка в актрисах не было, а энергия и обаяние Вики приманивали в студию и актеров-мужчин. Между делом родила сына Лешку (сейчас парню тринадцать). Недавно вернувшись с мужем в Питер, попыталась возобновить старые связи. Многие однокурсники достигли степеней известных, а некоторые при этом умудрились не забыть милую Вичку, обещали помочь устроиться. Но тут грянуло страшное. Мужа послали в Чечню, и не прошло месяца, как он погиб.

Вика всегда полагала, что ее Сашка – не слишком-то яркая личность. Иногда даже удивлялась, и как ее в свое время угораздило в него влюбиться? Молчаливый, спокойный, флегматичный. Что он есть, что нет. Мог целый день просидеть дома, практически не подавая голоса. Подвижной, словно ртуть, активной жене это казалось диким. Но почему-то другие мужчины, куда больше соответствующие идеалу, тонко чувствующие, артистичные, абсолютно ее в сексуальном плане не привлекали. Смирившись со странной особенностью своего организма, Вика стала верной, хотя и не слишком домовитой спутницей жизни. Впрочем, Сашка не жаловался. Раз ему требуется в квартире армейский порядок, значит, сам и должен его наводить – подобную максиму считали справедливой оба супруга. Оба также были согласны с тем, что ему повезло отхватить жар-птицу, она же запросто могла бы подыскать себе кое-что получше.

И вот теперь, когда Сашки не стало, выяснилось – лучше быть невозможно. Это иллюзия, что незаметно есть он или нет. Его присутствия, одного факта его существования было достаточно, чтобы пронизывать Викину душу невидимыми токами, которые и составляли основу счастья. Оказывается, жилось так легко и просто, поскольку в жизни была опора, неосязаемая, но надежная. Пока ты дышишь, необходимости воздуха не чувствуется, а вот лишишь его – и умрешь.

Вика не умерла, хоть и была к тому близка. Но ведь рядом находился моментально повзрослевший Лешка, как же оставить его в этом мире одиноким. Привидением бродила она по дому, машинально ела подsunутую сыном еду, машинально ложилась вечерами в кровать, однако не засыпала, а все прокручивала в памяти прошлое, с тоскою понимая – если б вернуться назад, вела бы себя иначе, повторяла бы мужу вновь и вновь: «Я люблю тебя, я люблю

тебя так же сильно, как сразу после первой встречи, но по-другому!» Господи, скольких радостей она его лишила из-за собственной слепоты, и вот теперь ничего не поправишь!

Знакомые пытались выразить сочувствие – Вика резко их обрывала. Она не хотела ни с кем разговаривать. Постепенно ее оставили в покое. В конце концов, кому приятно, выполняя тягостный долг по отношению к ближнему, наткнуться на вопиющую неблагодарность? Только сын продолжал теревить, заставляя иногда возвращаться из сомнамбулического состояния к жизни. Это раздражало, поскольку в подобные моменты боль усиливалась, становясь совсем нестерпимой.

А потом Лешка деловито сказал:

– Мама, хочешь, я заделаю все щели, и мы откроем газ? Говорят, это совсем не больно. Все лучше, чем так.

И тут Вика вдруг явственно представила мертвое тело сына, которое заколачивают в гроб. Словно Сашку хоронят снова. Снова убивают и снова хоронят, будто мало было одного раза, будто замкнулось кольцо времени и страшные события станут повторяться вновь и вновь. И она поняла, что ей есть что терять в этой жизни, а следовательно – жизнь продолжается.

Но восстала из пепла не прежняя Вика, в сорок лет все еще ощущавшая себя девчонкой. Родилась Виктория Павловна, зрелая женщина, беззаботная активность которой преобразовалась в умение твердо идти к намеченной цели, а наивный эгоцентризм – в прагматическое использование окружающих.

Цель была проста – не сойти с ума в пустом мире, где больше нет Сашки. Значит, требуется... язык не поворачивается произнести... требуется заменить его... нет, не другим мужчиной, это нелепо, но неким стержнем, способным поддержать развалины порушенной души.

Сперва Виктория Павловна сделала таким стержнем любовь в сыну, но быстро опомнилась. Она видела, как оголтелые матери калечат мальчишкам судьбы, пестуя инфантильных субъектов, до старости не обретающих самостоятельности. А Лешка должен вырасти похожим на отца – мужественным, верным, умным, и, следовательно, любовь к нему нельзя превращать в культ. Не стоит душить ребенка излишней заботой, надо дать ему право набить шишек, как бы ни хотелось подстелить всюду соломки. Виктория Павловна сумела взять себя в руки и направила лавину чувств к сыну в более спокойное русло, а когда загадочная энергия, заставляющая беспричинно тосковать, снова потребовала выхода, нашла более безобидный – искусство.

Едва Виктория Павловна поняла, что ей нужно, она тут же взялась за дело. Возобновила порванные богемные связи, мило извинилась за свою грубость, была почти всеми прощена, и ей подыскали работу ассистента режиссера в одном из солидных театров. Однако не прошло и месяца, как опять нахлынула тоска. Быть девчонкой на побегушках, пусть при талантливом хозяине, не то, чем Виктория Павловна могла заглушить боль в сердце. Лучше быть первым на деревне, чем вторым в городе, – исходя из данного принципа, она стала присматривать новое место и приземлилась, наконец, кружководом при Доме культуры. Знакомые недоумевали. Зарплата мизерная, престиж нулевой, окружение дилетантское – честное слово, у бедной Вички после смерти мужа начались явные заскоки!

Но Вика знала, чего добивается. Она была неплохим, хоть и не выдающимся режиссером. Не интересуясь внутренним миром окружающих и не понимая его, она зато чутко отмечала внешние его проявления. Присущая от природы деловая жилка давно научила отгадывать по выражению лица, интонации, пластике человека если не душевные качества, то, по крайней мере, каких поступков следует от этого человека ожидать и каким способом проще добиться от него желаемого. В результате Виктория Павловна не только ловко управляла актерами, но и помогала им создавать на сцене легкоузнаваемые типажи. Ее не волновало, почему герой делает то-то и то-то, однако она помнила, как личность подобного типа обычно выглядит, как говорит, как ходит. «Все будто в жизни», – восторгались довольные зрители. Впрочем, что это раньше была за публика? Мужья да любовники задействованных в спектакле гарнизонных

красоток. Тем не менее опыта у Виктории Павловны накопилось достаточно. Она прекрасно сознавала, что в Питере создать «свой театр» будет сложнее, но комплексом неполноценности Виктория Павловна не страдала и надеялась, что главное – возможность проявить себя, а успех никуда не денется. Да, она начинает сейчас с нуля, зато имеет полную свободу. В Доме культуры должны быть счастливы получить образованного и бескорыстного специалиста, энтузиаста своего дела.

Она и впрямь мало думала о деньгах и не считалась с затратами времени. Сперва в театральную студию принимались все желающие. Поскольку ярко выраженного лидера не нашлось, Виктория Павловна начала с «Мышеловки» Агаты Кристи. Небольшое число почти равнозначных персонажей, схематичных, но ярких, динамичная интрига – в общем, недаром эта пьеса часто выручает провинциальные труппы. Некоторую скованность актеров, лишенных серьезного таланта, легко списать на особенности жанра – ведь каждый герой что-то скрывает, потому и скован. Знаменуя новую эру в истории кружка, на премьеру собрались не только родственники и знакомые участников, но и родственники и знакомые работников Дома культуры. И всем понравилось! Вскоре потянулся тоненький, однако постоянный ручеек желающих влиться в студию Косицкой, и Вика получила возможность отбирать лучших. Принятых же ранее официально не выгоняли, однако бездарным почему-то не находилось подходящих ролей в очередной пьесе, и балласт потихоньку отпал.

Тогда и появилась Наташа Преображенская – Таша, как все ее называли. Двадцатилетняя студентка филфака, довольно хорошенькая, с толстой каштановой косой и серьезными карими глазами. Умна и не без артистических способностей, хотя на героиню не тянет – нет той энергии, которая держала бы зал. Виктория Павловна приняла бы девочку в любом случае, но фамилия заставила внутренне вздрогнуть и с деланным безразличием произнести:

– Приятно, что вы однофамилица замечательного артиста – Евгения Борисовича Преображенского.

– Я его племянница, – пояснила Таша. – Но, к сожалению, дядя Женя теперь не играет. Он стал предпринимателем.

– Успешно?

– Он все делает успешно.

Легкая ирония последней фразы насторожила. Виктория Павловна поняла, что безопаснее не пережимать, однако сердце затрепетало от острого предвкушения удачи. Да, хотя Преображенскому нет еще шестидесяти, он теперь не играет. Гениальный актер сменил за тридцать лет почти дюжину театров, нигде не уживаясь по причине отвратительного характера. Главные роли получал редко – все по той же причине, но был бесподобен в любом эпизоде. А затем однажды, взяв в бухгалтерии расчетный лист и узрев там заработанную сумму, начисленную, впрочем, в полном соответствии с единой тарифной сеткой, сплюнул и заявил: «Жилы рвать за такие гроши – оставайтесь сами, а Преображенский, он вам не идиот, он цену себе знает!» И неожиданно для всех, вместо того чтобы отправиться на поклон к режиссерам сериалов, открыл сеть ларьков, торгующих разнообразной мелочовкой у метро.

Эту историю за последнюю пару лет Виктория Павловна слышала неоднократно. И так, целых два года Евгений Борисович отлучен от театра. Но талант ведь никуда не делся и требует выхода! В подобной ситуации можно согласиться даже на роль в любительской постановке. В любительской оно и лучше, поскольку не кажется отступлением. Вовсе он не возвращается на сцену, а по просьбе племянницы решил благодетельствовать в свободное время Дом культуры. Хобби такое у предпринимателя! А что племянница обязательно попросит, Виктория Павловна не сомневалась. Ее только следует понемногу к данной мысли подталкивать, вот и все.

Однако сперва Таша привела в кружок не дядю, а Дашеньку. Виктория Павловна не сразу пришла от нового приобретения в восторг. Женщин и так перебор, требуются мужчины, а не

очередная инженерю! Дашенька же выглядела именно инженерю: миловидная хрупкая блондинка с вьющимися волосами до плеч и удивленными, словно детскими голубыми глазами. Когда-то она училась с Наташей в одном классе, а теперь была студенткой Технического университета. В отличие от Таши, умом не блистала, явно подчиняясь более сильной характером подруге. Однако стоило девочке начать играть, как опытная руководительница почувяла тот магнетизм, ту харизму, какой не обладала племянница Преображенского. Школы нет, но природные данные несомненны, и потому из Дашеньки было решено лепить звезду – местного, разумеется, масштаба. Это – подарок судьбы, хоть и не столь важный, как привлечение в коллектив Тамары Петровны, встречу с которой Вика полагала второй по значимости удачей после хитрого заманивания самого Преображенского.

Вышедшая на пенсию театралка жила неподалеку от Дома культуры, прослышала о студии, пришла – и осталась при ней. Она делала рутинную работу, столь нелюбимую Викторией Павловной. Обзванивала актеров, шила им костюмы, писала объявления, следила за порядком – да всего не перечислишь! Вика и не надеялась на подобную помощницу. Соответствующей ставки не было, а где в наши времена найдешь человека, который станет пахать день и ночь бесплатно? Нашлась. Главное, не забывать ее нахваливать, а уж она из шкуры вылезет! Сидит на каждой репетиции с горящими глазами, словно ей пятнадцать, а не шестьдесят – даже приятно.

...А что касается Преображенского... легкой победы в работе с ним Виктория Павловна и не ждала. Склонность там, судя по всему, имелась не менее выдающаяся, чем талант, так что следовало хорошенько продумать тактику.

– Интересно, Таша, твой дядя не захочет как-нибудь заглянуть к нам, чтобы дать несколько советов? Это было бы бесценной поддержкой!

Разумеется, никакой поддержки не требовалось, но мужики падки на лесть.

И впрямь заглянул, довел своей критикой женщин до слез, всячески стремился задеть Victорию Павловну, а та лишь беспомощно повторяла:

– Если б вы могли нам показать, как надо! О, как бы мы были благодарны! Мы можем взять одну из пьес, в которой вы играли, чтобы меньше вас затруднить, и на ее примере вы научили бы нас хоть немного! Конечно, с вами не сравниться никому, но ваша мощная энергетика не может не подействовать на окружающих!

Дурачок глотал наживку вместе с крючком, хотя и не упустил случая повыкаблучиваться – выбрал «Короля Лира». Ну и ладно, Корделия имелась – Дашенька, просто один к одному, а Лир... Кто же как не сам Преображенский? Втянется и не уступит роль никому.

Так и случилось. На известное имя пришли уже иные зрители, не только родственники и соседи, но и настоящие театралы, студия завоевывала авторитет. Виктория Павловна рискнула даже пригласить на спектакль пару знакомых критиков, хоть и понимала, что час еще не настал. Все радостно констатировали триумф Преображенского, а не театра. Театр лишь снисходительно одобряли.

Судьи были правы. На шекспировскую мощь не тянули ни режиссер, ни актеры – разумеется, за исключением Евгения Борисовича и частично Даши. Впрочем, Дашу профессионалы не оценили. «Прелестное, чистое дитя, – выразил общее мнение один из бывших Викиных однокурсников. – Только способна ли она сыграть что-нибудь, кроме себя самой?»

Зато девочку вдруг оценил Преображенский – причем даже слишком. Он помнил ее ребенком, подругой племянницы, и поначалу относился к Даше соответственно. На репетициях нередко язвил: «Это что, так играют на утреннике для мамаш в твоём детском саду?» Дашенькины голубые глаза становились еще трогательнее, и она горько вздыхала.

– Ты что позволяешь этому старому хрычу так с тобою обращаться? – нередко кипятился Денис.

– Но я действительно жутко недотягиваю до Евгения Борисовича по уровню, – разводила руками Даша, – оттого ему и неприятно. Я заслуживаю еще худших слов! Мне так перед всеми стыдно!

Денис пришел в студию из-за Дашеньки, и в первый момент Виктория Павловна обомлела. Рост под метр девяносто, рельефная мускулатура завсегдагая тренажерного зала, русые кудри, чеканный профиль – не парень, а мечта режиссера (особенно учитывая, что мужской пол был, естественно, в дефиците). Когда красавец открыл рот, восторги заметно поуменились. Несмотря на профессию менеджера, вроде бы подразумевающую умение уговорить клиента, красноречием Денис не отличался, выучить текст наизусть был не в силах, а на сцене и вовсе деревенел. Черты лица, застыв, лишались выразительности, и получался красивый косноязычный столб, а никак не герой-любовник. Пришлось, как ни обидно было Вике терять такую фактуру, держать парня на вторых ролях.

Впрочем, и на том спасибо. Денис вообще не собирался играть, он просто заезжал за своей девушкой на машине, а когда репетиции затягивались, с удовольствием наблюдал за ними из зала. Но Виктория Павловна быстро смекнула, что он относится к типу людей, всерьез гордящихся собственной внешностью, и не упустит случая продемонстрировать ее публике. На фоне высокого, накачанного жениха Даша производила впечатление еще большей хрупкости, и Вика всю использовала этот контраст, строя визуальный ряд спектаклей.

Полузабытое слово «жених» возникло неслучайно, «любовник» или «бойфренд» в данном случае как-то не годились. Дашенька в свои двадцать казалась совершенно юной, и двадцатисемилетний Денис восторженно ее опекал. Он копил деньги на отдельную квартиру, после приобретения которой намеревался тут же зарегистрировать брак. Заработок позволял надеяться, что желанный миг не за горами.

Однако после премьеры «Короля Лира» в безмятежное воркование сладкой парочки ворвалась трагическая нота. Преображенский влюбился в Дашеньку.

Сперва Виктория Павловна лишь обрадовалась, поскольку не восприняла случившееся всерьез. Истории романов великого артиста вечно смаковались в богемных кругах, верностью он похвастаться не мог, хотя женился лишь однажды, причем на женщине парой лет старше него. Судя по всему, основными достоинствами супруги были долготерпение и всепрощение. Короче, пускай старый дурак немного побегает за Дашкой, это гарантирует, что не бросит студию на произвол судьбы.

Только нашла коса на камень! Дашенька мягко, однако решительно отказала. Преображенский бушевал, умолял, безумствовал – девочка изумлялась, сочувствовала, но не уступала. Денис выходил из себя, его с трудом удавалось удерживать от прямых оскорблений в адрес соперника. Оскорблять Преображенского Виктория Павловна не собиралась позволять никому – иначе он уйдет. Лучше уж пожертвовать этими двумя – ан нет, тогда Евгений Борисович опять-таки уйдет вслед за своей прекрасной дамой. Куда ни кинь, все клин. Мало того! Администрация Дома культуры, несмотря на наглядные достижения студии, вдруг намекнула, что зал можно использовать куда разумнее, а именно открыть там бильярдную. Некие предприимчивые люди готовы давать за аренду бешеные суммы, и мы хоть и уважаем вас, Виктория Павловна, безмерно, но склоняемся принять это предложение. Ведь находящаяся в бедственном положении культура финансируется по остаточному принципу, и сдача помещения – единственная возможность выжить. По поводу бедственного положения лично директора Вика могла бы сказать многое. Учитывая, что деньги за платные кружки шли в основном черным налом, не стоило удивляться, что директор раскатывает в «Мерседесе». Но аппетит приходит во время еды, и алчному начальнику покоя не давала мысль о студии, не приносящей дохода.

Виктория Павловна поняла, что, если не сумеет что-нибудь предпринять, скоро придется снова начинать с нуля. А ведь столько энергии, столько сил, нервов и таланта вложено в дело, и очевиден прекрасный результат, почти успех!

Вот именно – почти. Если б успех был бесспорным, никто не посмел бы ее тронуть. В конце концов, зарвавшемуся директору можно было бы растолковать, что Дом культуры – не его частная лавочка, а государственное учреждение, созданное для продвижения культуры в массы, причем она, Виктория Павловна, занимается именно этим благородным делом. Как будет поражено высокое городское начальство, узнав, что ради какого-то бильярда ликвидировали одну из известнейших студий Петербурга! Как ухватятся за забористую тему журналисты! И, наоборот, разве не приятно приобрести в городе славу мецената, сумевшего даже в нынешних сложных условиях выпестовать замечательный творческий коллектив?

Но, к сожалению, директор был прагматиком, и разговаривать с ним имело смысл только с позиции силы. Приведенные аргументы подействовали бы лишь в том случае, когда были бы подкреплены наглядно. Например, посвященными театру статьями в газетах или хвалебными отзывами о спектаклях людей, имеющих вес в городе. Виктория Павловна вообще привыкла действовать железной рукой в бархатной перчатке, а выпрашивать и бить на жалость не умела. Нет, следовало срочно, пока не произошло непоправимого, разыгрывать козырную карту и побеждать.

Речь шла о следующем. Вика примерно представляла меру собственных способностей и без жестокой необходимости не замахнулась бы на Шекспира. «Мышеловка» – другое дело, тут все понятно, а средневековые страсти... кто разберет, как им положено выглядеть? Но, увы – на «Мышеловке» имя себе не сделаешь, пьеса слишком затаскана, за нею тянется шлейф низкопробных халтурных постановок. Нужно что-то в том же духе, но свеженькое. Желательно – пьесу современного российского автора, и не заумную, какие теперь в моде, а нормальную, простую, лучше всего детективную. С одной стороны, на нового автора можно заманивать критиков, а с другой – детектив привлечет зрителя.

Да, но где взять эту пьесу? Известные драматурги пишут нынче в другом ключе, к тому же весьма дороги, а у Виктории Павловны средств фактически не имелось. Она и без того постоянно доплачивала за какие-то необходимые студии мелочи собственные деньги, и бывшие сбережения незаметно растаяли. Значит, придется искать человека нераскрученного, возможно, непрофессионала. И Вика, открыв телефонную книжку, принялась методично обзванивать знакомых.

Она давно применяла подобный метод – обращаться ко всем и каждому, даже если казалось, что данный человек на сей раз не может быть тебе полезен. Всякое случается, ибо неисповедимы пути Господни. Не страдая застенчивостью, она полагала, что от пары вопросов и ответов ни от кого не убудет.

В результате удалось выловить свою бывшую соседку по курорту, сестра подруги которой, представьте себе, написала детективную пьесу!

– Очень интересную, – сообщила собеседница. – Мы читаем все, что Марина пишет, а почему ее не печатают, ума не приложу.

Вика вздохнула. Страшно представить, какой дилетантский бред ей подсунут, однако выбора не было. Если это нечто приемлемое, уж она-то сумеет сделать настоящую конфетку, а если нет, продолжит поиск.

– А мне дадите почитать?

– Могу даже познакомить с автором.

– Я бы сначала прочла пьесу, чтобы мое личное отношение не помешало объективному восприятию.

А то поди потом отвяжись от неизвестной графоманки! Нет уж, встречаться будем только при условии, что пьеса достаточно сценична.

Название – «Флейта Гамлета» – вызвало двоякие чувства. Довольно претенциозно, зато с подтекстом: как-никак отсылка к Шекспиру, и этим легко дурить голову критикам. «О, здесь не примитивный детектив, а интеллектуальное действие с элементами загадки. Оно полно аллюзий

и глубокого психологизма!» Разумеется, никакому идиоту не требуются в детективе аллюзии и глубокий психологизм, но без упоминания этих предметов обойтись нельзя, иначе твоё создание заклеят как китч. Следовательно, название скорее идет в актив.

Закончив чтение, Виктория Павловна задумалась. В целом ей понравилось. Все герои разные, и ведут они себя так, как им положено, безо всяких экзотических выкрутасов. Роли несложные, но в каждой есть выигрышные моменты. Сюжет динамичный: два убийства, по штуке на акт, причем до последнего не догадываешься, кто их совершил, а в результате разгадка представляется очевидной. Для привлечения зрительниц имеется несколько любовных линий, одна из них у главной героини – двадцатилетняя девушка самостоятельно расследует запутанное преступление, куда оказалась втянута ее лучшая подруга. Кстати, героиня, Таня, чем-то походит на Наташу Преображенскую. Хочется верить, Евгений Борисович будет доволен – благодаря такой роли племянница сумеет выдвинуться. Он хоть и зовет ее бездарью, а все же родная кровь – не вода.

Дашеньку, разумеется, тем более нельзя оставить не у дел – ну так ей прекрасно сгодится подруга героини, Лилька. Пожалуй, этот персонаж даже эффектнее главного. Таня, хорошо разбираясь в людях, умеет вызвать каждого на откровенность, а при случае и поймать на лжи. Зато собственные чувства, даже самые сильные, она обычно скрывает. Ее роман с женатым коллегой, мало того что построен на полутонах – еще и заканчивается ничем. Лилька совсем иная, импульсивная и темпераментная. Девушку подозревают в убийстве любовника, который предпочел ей другую. В конце она не только полностью оправдана, но и удачно выходит замуж.

С мужскими ролями несколько хуже. Преображенскому предстоит выбор между двумя бледноватыми образами, дабы стать партнером либо племянницы, либо своей ненаглядной крали. Танин кумир вызвал у Виктории Павловны двойственные ощущения. Вроде бы типичный рыцарь без страха и упрека, а что-то в нем неправильно. Второй, тот, что влюблен в Лильку и сумел вызвать ее ответное чувство, понятнее. Обычный интроверт, раскрывающийся лишь в неожиданных монологах. Именно таким подавай непосредственных да простодушных.

Как бы там ни было, оба героя Вику вдохновили мало. Впрочем, Евгений Борисович выкрутится, он и не такое вытягивал. Даже лучше, что ему достанется не самая выдающаяся роль. Никто не будет утверждать, как после «Лира», что его гениальная игра – единственная причина успеха постановки. Вопрос в том, согласится ли он принять участие в спектакле, где не ему уготовано центральное место? Вот это – подводный камень. Конечно, дядю начнет улаживать Таша, а в качестве тяжелой артиллерии подключим Дашеньку, только успех вовсе не гарантирован. Если упрется, придется переделать кое-что в пьесе. Ну да сие не страшно... автор, чай, не Шекспир, переживет!

Тут Виктория Павловна горестно вздохнула. Шекспир не Шекспир, а неизвестная Марина Лазарева выполнила определенную работу и наверняка рассчитывает получить за нее деньги. Только где их взять? Собственный карман давно пуст. Выцыганить у директора Дома культуры? Нет, нельзя демонстрировать ему свои проблемы, он должен полагать, что все идет как по маслу. Вот ведь, печалилась Вика, некоторые ловко пристраиваются к каким-то фондам, грантам, а она выпала из обоймы и оказалась в стороне от денежного потока. Следовало потихоньку втираться в богемную тусовку, а не тратить все время на работу в студии. Но втираться так скучно, а работать так интересно! В результате же имеем следующее: подходящая пьеса найдена, а заплатить за нее нечем.

Однако Виктория Павловна не собиралась опускать руки. Сперва следует поговорить с автором, поторговаться, узнать конкретную сумму и лишь потом решать, где ее достать. Один знакомый продюсер описывал процесс так: ты смотришь собеседнику в глаза и пытаешься понять, сколько же нулей стоит там после единицы. В конце концов, Марина Лазарева может оказаться не в курсе нынешних расценок. Она преподает физику в вузе, в театральный мир

не вхожа, вдруг да продешевит? Физиков обычно изображают рассеянными чудаками не от мира сего.

* * *

На рассеянного чудака Марина не тянула – обычная женщина лет тридцати, такую встретишь потом на улице и не узнаешь. Очков нет, каштановые волосы не торчат в разные стороны, но и не собраны в учительскую кичку, а красиво рассыпались по плечам. Одета, на Викин вкус, скучновато – простая черная юбка и черный свитер, оживленные лишь кулоном из янтаря. Зато подчеркнута фигура, которой и впрямь стыдиться нечего. Лицо симпатичное, хотя скорее не чертами, а выражением, весьма спокойным и доброжелательным.

– Вы действительно хотите поставить мою пьесу? – улыбнулась гостя, поздоровавшись. – Как замечательно! Я была бы очень рада.

Вика заглянула в сияющие глаза, желая посчитать нули, и оцепенела от радости. Нули в глазах как раз были, зато никакой единицы перед ними не наблюдалось. Похоже, Марине даже в голову не приходил вопрос об оплате! Впрочем, почему бы нет? Никому не известная дилетантка должна быть счастлива, что ее опус поставит профессиональный режиссер на почти профессиональной сцене. Наверное, и по поводу переделок она выкаблучиваться не станет?

– К сожалению, есть некоторая проблема, – закинула Виктория Павловна пробный камень. – У вас превосходная пьеса, однако мужские роли явно уступают женским.

Критику всегда следует подсластить лестью – это Вика знала точно.

– Да, – неожиданно легко согласилась Марина, – женщины мне ближе. Но ведь в вашей студии наверняка больше талантливых актрис, чем актеров, так что для вас это кстати?

– В чем-то вы правы. Я уже присмотрела девочек на главные роли. Но есть один замечательный актер, которого невозможно оставить за бортом. Может быть, вы о нем слышали? Это Евгений Преображенский.

Марина заметно оживилась.

– И слышала, и видела. Я как раз недавно думала, в каком же он теперь театре? Но ведь у вас самодеятельность, а не...

– Не самодеятельность, а театральная студия, – холодно ответствовала обиженная Вика. – И Преображенский – один из наших актеров. – Тон позволял решить, что артистов подобного ранга в студии пруд пруди. – Сами понимаете, хотелось бы, чтобы он получил роль соответственно таланту. А ваш герой... Юрий Владимирович, кажется? Нерешительный он какой-то! Раз любит, почему не женится?

– Потому что уже женат, – исчерпывающе пояснила автор.

– Жена – не стена.

– Есть еще дети, привычка, душевный покой, работа, карьера... Бросить все без гарантированного успеха – зачем требовать слишком многого?

– Тогда нечего было морочить девушке голову! Мог бы заранее подумать, прежде чем за ней ухаживать.

– Кто думает о чужих бедах, если речь о собственном удовольствии? – вздохнула собеседница.

– Любой настоящий мужчина, – отрезала Вика. Сашка вдруг предстал перед нею как живой – она даже вздрогнула от боли. Впрочем, быстро взяв себя в руки, уточнила: – Так он ее не любит?

– Любит, конечно, но она вовсе не составляет для него единственного смысла жизни. Это мы, дуры, заикливаемся на любимом так, что без него свет немил, а большинство мужчин устроены иначе. Мой герой... он самый обычный, и лишь Танин романтизм позволяет ей видеть в нем нечто большее.

Вика кивнула. Ее не волновало, кто как устроен, но она вдруг осознала, о каком типаже идет речь. Встречаются подобные, и нередко... вроде и талантливые, и порядочные, и умные, только нет в них того, что было в Сашке... цельности какой-то, что ли, и ответственности за свои поступки? А ведь Марина права – именно поэтому большинство мужчин по сравнению с мужем казались, уж простите, словно недоделанными...

– Возможно, Евгений Борисович предпочтет роль второго, – вслух предположила она. – Тоже не выдающийся экземпляр, но там хоть эффектные монологи.

– Да, когда скрытный человек вдруг выходит из себя, впечатление обычно сильное. Но, конечно, вы правы – подходящей роли для Преображенского в пьесе нет. Я же не знала! А если я напишу следующую специально для него?

Виктория Павловна заметила:

– Подходящая роль для Евгения Борисовича – любая, на которую он даст согласие. С ним надо считаться, он – звезда.

– А я – никто, – без тени обиды закончила фразу Марина и неожиданно продолжила: – У меня к вам просьба. Я бы хотела поприсутствовать на репетициях. Я не собираюсь вмешиваться в их процесс, но, если что-то покажется мне слишком противоречащим тому, что я написала, я бы хотела иметь право вето.

Виктория Павловна даже опешила от подобной наглости. Право вето, видите ли! А на вид – такая скромница, такая простофиля. Знает свое место, не скрывает заинтересованности в постановке, даже не попыталась получить деньги! А раз заинтересована, нечего с нею церемониться, все стерпит!

Вика снова заглянула в спокойные глаза и поняла, что Марина стерпит не все. В ответ на отказ она кивнет, извинится и заберет пьесу назад. Загадочные существа, эти авторы! Какая ей разница, кто кого играет? Впрочем, потребуй она гонорар, было бы еще хуже. Ладно, пускай посидит – она выглядит довольно безобидной. Конечно, в этом случае от нее не скроешь вероятные переделки, но, возможно, оно и к лучшему? Смирится и переделает сама, лишь бы увидеть свое творение на сцене.

* * *

На следующий же день Виктория Павловна вручила текст Таше с Дашенькой. Девочки прочтут, раскатают губу на лакомые роли, и лишь после этого можно будет подsunуть опус Евгению Борисовичу. Он его оплюет по-страшному, но две подружки объединенными усилиями постараются уговорить капризного премьера хотя бы выбрать, какой из образов ему ближе, а сама Вика объяснит, что этот образ будет перестроен под его индивидуальность. Актеру подобное всегда приятно.

Все развивалось по плану. Таша с Дашенькой пришли от пьесы в восторг, а Преображенский милостиво дал согласие посетить студию, дабы изложить автору свой взгляд на его бездарное творение.

– Вы только не обижайтесь! – в десятый раз нервно предупреждала Виктория Павловна Марину по дороге в Дом культуры. – У него очень сложный характер, но тут ничего не поделаешь. Он – талант. Не обращайтесь внимания на то, что он говорит, я сама вам после все объясню. У вас замечательная пьеса, просто гениальная, что бы он там ни наплел!

Автору тоже не мешает иной раз польстить, особенно работающему даром. А то вдруг передумает, заберет текст и попытается кому-нибудь продать?

Марина засмеялась, потом остановилась и серьезно сказала:

– Вика, если вы волнуетесь из-за меня, то совершенно зря. Я не обидчива, к тому же очень хочу, чтобы пьесу увидели люди. Да и вообще, надо сильно постараться, чтобы заставить

меня изменить своему обещанию. Или я почему-то кажусь вам ненадежной? Настолько, что вы вынуждены называть пьесу гениальной?

Вика секунду помялась, затем решила.

– Понимаете, – призналась она, – получается, что вы работаете бесплатно.

– Но ведь и вы фактически тоже, – пожал плечами Марина. – То есть зарплата зарплатой, но за то, что будете возиться с моей пьесой, вам вряд ли что-нибудь добавят. И все-таки вы собираетесь это делать!

– Ну так мне это интересно и нужно, – пояснила удивленная Виктория Павловна.

– Мне тоже. Думаю, что и вы не возражали бы получать за свою работу большие деньги, однако из-за их отсутствия не идете торговать овощами с лотка. Почему я должна быть более алчной? Вот если б вы имели возможность мне заплатить и отказывались, тогда другое дело, а на нет и суда нет.

Слова звучали легко, иронично и чуть-чуть отстраненно, словно о ком-то постороннем. Вика сосредоточенно размышляла. А действительно, ведь она сама тоже в некотором роде вкладывает даром, просто никогда не смотрела на себя со стороны! Похоже, эта Марина кое-что смыслит в жизни, и на репетиции от нее будет больше пользы, чем вреда. Только бы не сорвалась из-за Преображенского! Хоть она вроде бы человек и спокойный, да ведь он доконает любого.

В студии царило радостное оживление.

– Ой, – пискнула Даша, – эту пьесу действительно написали вы? Я думала, вы старая, а вы совсем молодая, почти как мы с Ташей! – Тут она смутилась от собственной бестактности и, запинаясь, пояснила: – Я имею в виду... ну, чтобы столько про людей понимать, нужен большой опыт... вот и удивилась, что вы...

– Не знаю, как в смысле опыта, – весело сообщила Марина, – а возраст мой, к сожалению, существенно больше вашего. Мне уже тридцать три.

В тот же миг идеально поставленный бархатный голос негромко, однако так, что услышали все присутствующие, произнес:

– Никогда нельзя верить женщине, которая не скрывает своих лет. От нее можно ожидать чего угодно.

Воцарившаяся тишина длилась мгновение. Прервала ее Марина, вежливо прокомментировав:

– Оскар Уайльд, «Женщина, не стоящая внимания». Вы играли лорда Иллингворта, Евгений Борисович?

– Один-ноль, – шепнула подруге на ухо Таша.

– Я играл Уайльда, я играл Шекспира! – Преображенский эффектно появился из темноты зала и встал в позу. – Так что, теперь прикажете играть Лазареву?

– Ну что вы, – скромно ответила Марина. – Я предупреждала Викторию Павловну, что ни один из героев не соответствует вашему амплуа.

Актер надменно поднял брови:

– Моему амплуа? Вы всерьез полагаете, у меня есть амплуа? Вы знаете мое имя? Евгений Пре-об-ра-женс-кий! – весомо, по слогам прочеканил он. – А как меня называют поклонники? Гений преображения! Сама природа дала мне имя, отражающее мою внутреннюю суть!

– Не природа, а дедушка, – снова шепнула подруге Таша.

Между тем ее дядя продолжал монолог:

– Вы полагаете, я не смог бы сыграть любого из этих ваших блеклых героев так, что они засверкают всеми красками? Только кому интересен чистоплюй, который, даже влюбившись, думает о всякой ерунде вроде жены, детей и карьеры, а не о себе и своих чувствах!

– Хорошенькая ерунда! – вслух заметила Таша. – Просто он порядочный человек, а не эгоист. Порядочному тяжело бросить семью.

– Любовь выше предрассудков, – пророкотал Преображенский. – Дашенька, звезда моя, ты веришь, что ради тебя я бросил бы сорок тысяч жен и детей, не задумавшись ни на минуту?

– Евгений Борисович, – жалобно встала Даша, – такая классная пьеса и такие хорошие роли! Пускай главный герой вам не нравится, есть еще второй, Владимир Владимирович, который женится на мне. Он так красиво говорит!

– Эта серость, эта посредственность! Да женитьба останется единственным его поступком за всю жизнь! А потом он погрязнет в быте!

– Все мы живем в быте, – удивилась Марина. – Вы на редкость строги к представителям собственного пола, Евгений Борисович.

Тот, вдруг убрав из голоса пафос, с искренним интересом спросил:

– А скажите, это ведь история из вашей собственной жизни? Если честно? Я, когда прочел, сразу понял.

Марина холодно процитировала:

Когда поэт, описывая даму,
Начнет: «Я шла по улице. В бока впился корсет», —
Здесь «я» не понимай, конечно, прямо —
Что, мол, под дамою скрывается поэт.
Я истину тебе по-дружески открою:
Поэт – мужчина. Даже с бороною.

– Обиделась, – обрадовался Преображенский. – Да не обижайся, дурочка, – он неожиданно улыбнулся. – Играл я кой-чего и похуже, и провалов пока не было. Только надоели мне эти ваши порядочные да рефлексирующие. Я буду играть убийцу. Всякие у меня роли были, а вот на убийц пока не везло. Разрешите представиться, Николай Иванович Зубков, убийца... – сладострастно просмаковал он, и Вика, как эхо, повторила:

– Убийца... Вы серьезно, Евгений Борисович?

– Как никогда!

Виктория Павловна ожидала чего угодно, только не этого, однако не растерялась. Главное, Преображенский согласился на роль, остальное неважно. Герои-любовники в труппе имелись. Вика заранее наметила обеим девочкам партнеров, поскольку было неизвестно, какая именно роль окажется свободна. Теперь следует быстренько, пока капризный премьер не передумал, начать репетицию, а там он втянется, и дело пойдет на лад.

Первая же сцена с участием Преображенского продемонстрировала, что его решение вовсе не было стихийным порывом. Он играл, почти не заглядывая в текст.

– Боже мой! – быстро и бессвязно произнесла Марина в перерыве, потрясенно глядя на актера. – Простите меня, Евгений Борисович! Я только теперь поняла, что вы имели в виду, говоря про моих блеклых героев. Вы совершенно правы. Я не написала и половины того, что вы играете. Я была бы счастлива, если бы то, что вы играете, написала я! Вы создали такой образ... я такого не писала, просто не сумела бы, а ведь надо именно так, и только так!

– Успокойся, деточка, – снисходительно махнул рукой собеседник. – Не суди себя слишком строго. Не каждому дано быть гением, посредственности тоже на что-нибудь нужны.

* * *

Ночью, на квартире Вики, возбужденная Марина, на щеках которой горели пятна, объясняла:

– Это какое-то чудо! Он неуловимо сдвинул акценты и, не меняя вроде бы ничего, изменил масштаб изображаемой личности и изображаемой проблемы. Вы, видимо, привыкли, а я

теперь вряд ли засну! Господи, что написано у меня? Преступник – мелкий начальник, который хочет выбиться в крупные. Его шантажируют, он убивает шантажиста – вот и все. А когда играл Евгений Борисович... это трудно передать... я словно увидела Начальника, существо, возомнившее себя сверхчеловеком, а человеком-то быть переставшее! Они все прошли у меня перед глазами – сидящие в блестящих евроремонт кабинетах, учащие нас жить, не зная нашей жизни, унижающие нас и богатеющие за наш счет. Все вот такие Начальники, каких я видела в жизни, их всех он показывает одним движением руки. Он показывает в сто раз больше! Он показывает путь от человека к нечеловеку. Его герой сперва почти не отличается от остальных, у него обычные человеческие чувства и мысли, но вот он начинает лезть вверх по головам и постепенно меняется, и ты не замечаешь, как, когда он превращается в убийцу, полностью потерявшего совесть и не ценящего ничью жизнь, кроме собственной! Он превращается в убийцу, еще не убив, а просто использовав другого как ступеньку в своей карьере! Это так глубоко, так...

– Он действительно играл мощно, – согласилась Вика, не очень внимательно слушавшая заумные рассуждения собеседницы, которую по причине позднего времени привезла ночевать к себе домой. – А как вам остальные? Таша подходит идеально, правда?

– Да, мне повезло, – несколько успокоившись, подтвердила Марина. – Очаровательная девочка и в точности нужный типаж. Героиня немного слишком правильная, но Таша своим обаянием сглаживает этот мой просчет.

– А Дашенька? Разве не вылитая Лилька?

Марина неуверенно пожала плечами:

– Ну... я никак не представляла Лильку блондинкой.

– Почему?

– Наверное, потому, что не люблю блондинок.

– Почему? – опешила Вика.

Марина, ненадолго задумавшись, искренне ответила:

– Вероятно, завидую. Им легче приходится в жизни. Их считают глуповатыми и нуждающимися в опеке. Вот нас с вами никто опекать не станет, а Дашеньку – любой мужчина. Впрочем, в Лильке нечто схожее тоже есть. Я против Даши ни в коей мере не возражаю. Она мне показалась очень талантливой – на лету схватывает все ваши советы.

– Давай на «ты»? – прервала Вика, подавая кофе и бутерброды. – Или ты кофе на ночь не пьешь?

Марина была ей приятна. Совершенно очевидно, что с нею не будет больших хлопот, необязательно подлаживаться, можно вести себя естественно и просто.

– Кофе я пью круглые сутки, а вот после семи не ем... но где наша не пропадала! – ответила собеседница и засмеялась, увидев, как Вика уже без лишних вопросов разливает по рюмкам коньяк. – Кстати, мне очень понравилось, как ты работаешь, – замечательно подбираешь мелкие детали, дорисовывающие образ. Я знаю свой недостаток – тщательно продумываю внутренний мир героев, но недостаточно обращаю внимание на внешние проявления. А ты как раз наоборот, да? В результате получится самое то. Но, честное слово, по сравнению с Преображенским все мы – бездари!

– И намучаемся же мы, бездари, с этим гением! – обреченно предсказала Виктория Павловна.

* * *

Разумеется, предсказание сбылось. Мало того что Преображенский, как всегда, критиковал всех и вся. Слава богу, актеры привыкли, а Марина слишком восхищалась его талантом, чтобы всерьез обижаться. Мало того что он по-прежнему преследовал бедную Дашеньку,

которую лишь врожденная кротость удерживала от взрывов негодования. У него не хватило ума скрыть свои сексуальные демарши от жены, и та стала заявляться на репетиции! Вот только этого Вике не хватало! Недостаточно ей заботы следить за Денисом, вечно пытающимся нехстати конфликтовать и не отличающимся деликатностью выражений, она еще оказалась вынужденной приглядывать за Галиной Николаевной.

Впрочем, про манеру поведения Преображенской плохого не скажешь. Приехала на своем шикарном авто, с головы до пят в фирме, но все по возрасту: не короткая обтягивающая юбочка, а элегантный костюм для дамы в летах. Правда, ботокс слишком бросается в глаза, зато макияж сделан на редкость качественно. Вике даже стыдно стало за свою на бегу нанесенную помаду и почему-то вечно осыпающуюся тушь. «Журналистка? – размышляла она, приветливо глядя на элегантную незнакомку и жалея, что не успела посмотреться в зеркало. – Вряд ли. Из отдела по культуре?»

– Вы – Виктория Павловна? – улыбнулась гостя. – Я вас сразу узнала по описанию мужа. Я – жена Евгения Борисовича. Должна выразить вам свою искреннюю признательность. Ни в одном театре с ним так хорошо не ладили, как удастся вам. Но, к сожалению, последнее время у него начались проблемы со здоровьем. Возраст, сами понимаете. Я очень за него беспокоюсь. Врачи не рекомендуют ему переутомляться. Театр отнимает слишком много душевных и физических сил, а ведь основное для него сейчас – это бизнес. Боюсь, я против его участия в новой постановке. Премьера – это слишком ответственно.

У Вики аж сердце оборвалось. Какая трогательная забота о здоровье мужа!

Шито белыми нитками. Просто узнала о Дашеньке и хочет себя обезопасить. Неужто за столько лет не привыкла к романам своего старого козла? Впрочем, тут романа-то как раз нет, тут серьезнее. Она же не знает, что Дашеньке старый козел ни к чему, у нее есть молодой красавец! Одно утешение – непохоже, чтобы Преображенский был под каблуком у жены и ее послушался.

Разумеется, обнаружив в студии супругу, Евгений Борисович закатил скандал. С пафосом кричал, что не позволит себе указывать, а если Галина Николаевна чем-то недовольна, так ее никто не держит, слава богу, мы не в Италии, и у нас разрешены разводы! Та спокойно и нежно продолжала твердить про его драгоценное здоровье, нуждающееся в постоянном пригляде. В результате стороны согласились на компромисс. Актер играет премьеру, а его жена сидит на репетициях, дабы вовремя подать свежий бульончик или полезную микстурку.

– Тяжело вам с ним, наверное, – искренне посочувствовала Вика Галине Николаевне, оставшись наедине.

– Ну что вы! – любезно возразила та. – Я сама не обращаю внимания и вам тоже советую. Пускай покричит, нам-то с вами что?

– Значит, вы не обижаетесь?

– Ну конечно. Просто Женю нельзя воспринимать всерьез. Вот вчера, например, у него возникли проблемы, уж извините за интимную подробность, со стулом. Разумеется, он вне себя и предполагает по меньшей мере рак, а ко мне как раз пришла массажистка. Не отменять же ее, правда? Она меня массирует, я ахаю, какой мой Женечка несчастный, и все довольны. Конечно, во время массажа лица было бы сложнее... впрочем, можно ахать и без мимики, он все равно не смотрит.

– Удивляюсь, что он согласился на присутствие жены, – делилась вскоре Виктория Павловна впечатлениями с Мариной. – Думала, упрется как бык. Конечно, эта дамочка для меня – не самый лучший подарок, но было б хуже, если бы он и впрямь уперся и она открыто встала на тропу войны. Знаешь, навредить премьеру очень легко!

– Он не уперся бы, – утешила Марина. – Его устраивает сложившаяся ситуация.

– Ты думаешь? – удивилась Вика.

– Он обожает выводить людей из себя. Мне иногда кажется, именно в этом он черпает творческие силы, понимаешь? Потому нигде и не ужился. Одновременное присутствие жены и девушки, за которой он открыто ухаживает, да еще жениха этой девушки, создает то самое напряжение, ту атмосферу, которая делает его игру еще лучше.

– Господи! – вырвалось у Вики. – Только бы дотянуть до премьеры, а там будь что будет! Там возьму и выскажу всем, что о ком думаю! А еще – напьюсь в стельку. Какая ты счастливая, что не волнуешься!

– Я не волнуюсь? – засмеялась Марина. – Да я, между прочим, каждый вечер содрогаюсь – а что будет, если я во сне умру, так и не увидев нашего спектакля? Вот после спектакля, оно не страшно, а вдруг до? Это, по-твоему, нормально? Студенты это называют – крыша поехала.

– Надо же, а по тебе не видно. Я же всех уже созвала! Критиков, актеров. Если что не так, второго шанса у меня не будет, провал будет громкий. Хорошо, эта сволочь Сосновцев все-таки выделил деньги на банкет, а то уж не знала у кого занимать. А без банкета нашу тусовку не соберешь.

Сосновцев – директор Дома культуры. Последнее время он явно заинтересовался спектаклем и активно посещал репетиции. Иногда у Вики мелькала мысль, что он заинтересовался скорее Мариной. А что? Она незамужем, он вдовец. Правда, Маринка в этом смысле какая-то странная. Она симпатичная, коммуникабельная и, если б постаралась, легко могла бы заполучить себе приличного мужа. Виктория Павловна сразу об этом подумала, но, прикинув, честно предупредила:

– К сожалению, Марина, в нашей труппе совсем нет холостых мужчин.

То есть имелся, конечно, Денис, но он закреплен за Дашенькой, и Вика сбросила его со счетов.

– А что, холостые играют лучше? – заинтересовалась не понявшая, куда она клонит, собеседница.

– Да нет, – объяснила Вика, – скорее, наоборот. Холостому и дома неплохо, а женатый рад куда-нибудь сбежать, так почему бы не к нам? Просто пыталась кого-нибудь тебе подыскать.

– Не стоит трудов, – махнула рукой та. – Вика, ну зачем мне это надо – взваливать на плечи дополнительную обузу? Если б угораздило влюбиться – тут другое дело, вынуждена была бы смириться, но, похоже, из влюбчивого возраста я уже вышла.

– Только не заливай мне, что не хочешь замуж, – хмыкнула Виктория Павловна. – Все равно не поверю.

– А ты?

– Что – я?

– Ты хочешь? Почему ты себе кого-нибудь не подыщешь?

– Ну, я же тебе рассказывала... Я любила Сашку.

– Никто ж не говорит о любви, мы обсуждаем мужа, так? Насколько я поняла с твоих слов, любовь тут ни при чем. Главное, наметить подходящий объект и правильно его обработать. Правильно?

– Правильно.

– Чья бы корова мычала, а твоя молчала, – весело съехидничала Марина. – Что же не намечаешь и не обрабатываешь? Небось Сашка сам наметил и обработал. За такого и я бы вышла. А зачем мне абы кто, не понимаю.

Теперь Виктория Павловна и сама не понимала. Марина умела переворачивать обычные вещи с ног на голову. Впрочем, Вика, как всегда, в ее рассуждения особенно не вникала, ей был важен результат. В данном случае то, что подруга не гоняется за мужиками, явно к лучшему. Сосновцев, видя ее разборчивость, постарается произвести впечатление и охотнее порастрясет кубышку.

* * *

Сколько различных проблем, сколько подводных камней окружало бедную Викторину Павловну, в несчастный день отдавшую душу театру! Она обходила препятствия с уверенностью опытного лоцмана, но вместо одних перед ней тут же возникали другие. И если, думала она, на генеральной репетиции грянет нечто непоправимое, она взорвет к чертовой матери этот дурацкий Дом культуры вместе со всеми его обитателями, и в первую очередь – с проклятым Преображенским!

Такие вот крамольные мысли бродили сейчас в ее голове, когда она глядела на бушующего гения. Глядела, тем не менее, сочувственно и беззащитно – иначе с ним нельзя.

– Что случилось, Евгений Борисович? Как вы нас всех напугали! Мы боялись, с вами случилось что-то страшное, но вы, слава богу, целы!

– Если и цел, то с помощью Бога, а не этой гнусной твари.

На глазах Тамары Петровны, неизвестно за что названной гнусной тварью, тут же выступили слезы.

– Боже мой, Тамарочка Петровна! – быстро выкрикнула Вика, нежно приобняв помощницу за плечи. – Это недоразумение! Завтра премьеры, мы все на нервах! Вы уж нас простите!

– Это она-то будет прощать? – пророкотал Преображенский. – И вы думаете, моя нога еще хоть раз ступит в дом, где моя жизнь ценится столь низко?

– Я ценю вашу жизнь куда больше собственной! – поспешила уверить Виктория Павловна. Когда имеешь дело с мужчинами, с лестью перегнуть нельзя, тут, чем больше, тем лучше.

– Тогда почему позволяете на нее покушаться?

– Это уже что-то новенькое, – шепнула Таша на ухо Дашеньке. – Подобного он еще не разыгрывал.

– Нервничает перед премьерой, – ответила та. – Я тоже. А ты?

– Женечка, бедный мой, – вмешалась Галина Николаевна (наконец и от нее какая-то польза!). – Что случилось?

– Вот!

Он немного подвинулся, и присутствующие узрели открытый люк. Да, ситуация не из приятных! Если бы кто-нибудь туда сверзился, шею сломал бы как пить дать. Или даже насмерть угробился, и прощай, премьеры! Высота большая, а внизу металлическая плита, да еще торчит штырь, к которому когда-то крепилась лестница. Находишь она в сохранности, было бы очень удобно – спускаешься за кулисами в подпол, пробираешься по узкому коридору и выныриваешь прямо на сцену: здравствуйте, я призрак отца Гамлета, разрешите представиться! Но без серьезного ремонта лазить вниз было рискованно, поэтому люк всегда держали закрытым. Виктория Павловна почувствовала, что шею заливают холодный пот. Какой кретин и зачем его трогал? Свет здесь тусклый, а часто и вовсе выключен, поэтому не заметишь опасности очень просто. Шагнул – и на небесах. Слава богу, все обошлось! Впрочем, обошлось ли?

– Она это сделала нарочно! Гнусная тварь, бездарь, ненавидящая таланты!

Тамара Петровна все-таки разрыдалась, Вика принялась ее успокаивать.

– Женечка, но при чем здесь она? – ласково поинтересовалась Галина Николаевна.

– Разве не эта тварь отвечает здесь за порядок? Вся рутинная работа, которой брезгует нормальный человек, поручена ей. Это она здесь закрывает все и открывает. И никто, кроме нее, не оставил бы открытый люк как раз тогда, когда мне идти мимо него на сцену! Это не случайность, а предумышленное убийство! Меня спас Господь Бог, хранящий таланты! Если бы я не включил здесь свет, меня б уже не было в живых!

– Ну, – раздраженно заметил Кирилл Левинсон, – в таком случае покушались на меня. Первым здесь, как известно, должен был оказаться я, и лишь по случайности я прошел с другой стороны.

Это была правда. Девчонки появлялись из правой кулисы, поскольку женская уборная была там, мужская же располагались слева. Кирилл, партнер Таши, к моменту происшествия уже находился на сцене.

Впервые он попал в студию из-за Дениса, с которым вместе работал. Дашенькин жених, не упуская случая похвастаться артистическими успехами, активно приглашал на спектакли коллег. Большинство из них оставались зрителями, а этот серьезный мужчина лет тридцати пяти неожиданно проявил желание попробовать себя на новом поприще.

Вика была рада. Во-первых, сильный пол всегда в дефиците, а во-вторых, Кирилл был небезнадежен. Флегматик, правда, что для актера плохо. Зато добросовестный, и память хорошая – не то что у Дениса. Внешность, конечно, похуже, чем у главного красавчика театра, но вполне пригодная – такие кряжистые, основательные, напрочь лишённые смазливости хорошо смотрятся в ролях настоящих мужиков. Что касается таланта... если хорошенько разьяснить, что и как, Левинсон по мере сил пытался это изобразить – он парень умный.

– Да кому ты нужен? – заорал Преображенский, на миг притихший от изумления – ему посмели возразить! – Ты, бездарность! Нет, охотились на более крупную дичь – на меня.

– Вот именно, кому я нужен? – буркнул Кирилл. – Оставили случайно люк – велика важность. Не провалился никто, и слава богу. Я лично трагедий устраивать не собираюсь, я не истерик.

– А я, значит, истерик?

– У-у-у! – в голос завывала Тамара Петровна.

Вике захотелось разорваться на две части, дабы одна занялась помощницей, а другая – гениальным премьером. Причем желательно, чтобы эти части разошлись по разным помещениям, поскольку Тамаре Петровне и Евгению Борисовичу следовало говорить прямо противоположные вещи.

Слава богу, Полякову взяла на себя Марина, шепча на ухо нечто утешительное. Кирилла, тоже бывшего на взводе, утихомиривали девочки, а Виктория Павловна вместе с Галиной Николаевной обхаживали Преображенского. Наконец он несколько утих, лицо его изменило выражение, вместо гнева демонстрируя покорность жестокой судьбе, и он горестно заметил:

– Что ж, я – человек слова. Я обещал вам сыграть премьеру, и я ее сыграю, пусть хоть тысячи убийц встанут на моем пути. Но имейте в виду, я ставлю ультиматум! В дальнейшем вам придется выбирать – либо она, либо я. Третьего не дано! Надеюсь, вы слышали меня, Виктория Павловна?

И он летящей походкой двинулся к сцене.

– Конечно, вы, Тamarочка Петровна, – прошелестела Вика на ухо помощнице так тихо, чтобы никто больше не услышал. В глубине души она надеялась, что выбирать не придется. Евгений Борисович пошумит да одумается. Главное – пережить премьеру, а после нее хоть потоп.

Преображенский провел репетицию блестяще.

Сцена вторая Премьера

Премьера была назначена на субботу, и у бедной Виктории Павловны с утра все валилось из рук. Хорошо, хозяйственные дела взял на себя Лешка. Вчерашний скандал сильно действовал Вике на нервы, но она утешала себя мыслью, что норма по скандалам, наверное, уже выполнена, так что нынче неожиданностей не будет.

Как бы не так! Полвторого позвонила Таша. Заливаясь слезами на другом конце провода, она сообщила, что играть сегодня не может, и положила трубку. Слава богу, у Виктории Павловны имелись адреса членов студии, и она срочно отправилась к девочке на дом. Таша, такая ответственная, такая серьезная, и вдруг подвести всех, сорвать спектакль! Просто наваждение!

Лицо девушки опухло, глаза покраснели и ввалились. «Умер кто-то из родителей», – с ужасом подумала Вика. Она знала, что Ташины родители работают по контракту за границей и вернуться должны не скоро.

– Что случилось, Ташенька? Расскажи мне, тебе станет легче!

Таша судорожно показала рукой в угол комнаты и зарыдала. Там лежала какая-то тряпка, рядом стояло блюдо. Ну и что? Постепенно из бессвязных слов Виктория Павловна восстановила картину случившегося. А произошло следующее.

Часов в двенадцать к племяннице явился Преображенский. Он был возбужден, как обычно перед спектаклем, носился по квартире, тискал котенка. Котенок этот жил у Таши всего неделю, но она успела очень его полюбить. Такой серенький, пушистый, ужасно доверчивый и ласковый. Даже коготки никогда не показывает, представляете? Прыгает вокруг и ждет от жизни только хорошего и всех любит!

– И что дядя? – вернула Ташу к теме Виктория Павловна.

Евгений Борисович привычно дразнил племянницу бездарью, но она не обижалась. Она знала, что в дни премьер он не в себе.

– Повезло тебе, бездарь! – разводил руками он. – Мариночка наша словно лично для тебя роль писала. Будет у тебя успех, а там, глядишь, и в сериал какой сняться позовут. Вичка-то приглашала зрителями этих халтурщиков, которые фильмы пекут как блины, по сто штук на одной сковородке. Для них такая бездарь, как ты, – самое то, просто находка.

– А я не соглашусь, – засмеялась Таша. – Мне халтура ни к чему.

– И дура будешь, если не согласишься. За эту халтуру неплохо платят.

– А мне хватает.

Он хмыкнул:

– Пока я соержу, так хватает. Но я ведь все-таки не Дед Мороз!

Таша почувствовала себя задетой.

– При чем здесь ты? Мне присылают родители.

– Ну да, присылают и через меня передают! – расхохотался дядя. – А ты, дура, поверила? Думаешь, за границей – золотые горы? Умный человек, он и здесь разбогатеет, а неудачник – тот и в Африке неудачник. Вот это – про твоего папашу. Говорил я Светке, куда тебе этот недоделанный, но бабе разве объяснишь? Вот теперь бедствуют в эмигрантском квартале, еле на квартиру зарабатывают, а все бьются, кретины, надеются зацепиться да получить гражданство. Больно они там нужны! Я их сразу предупредил: «Вам ни копейки не дам, а девчонку, так и быть, содержать буду, пока в возраст не войдет». Но я-то не вечный, ты на это не рассчитывай.

Сердце Таши бешено заколотилось, в горле пересохло, и она холодно сказала – нет, попыталась холодно сказать, а вместо этого хрипло выдавила:

– Я переведусь на вечерний и пойду работать.

Евгений Борисович, покачив головой, притянул девушку к себе.

– Бедная моя дурочка, – нежно произнес он. – Ну нельзя же всему верить. Уж и пошутить с нею нельзя! Как же ты, такая доверчивая, жить-то будешь?

– Пошутить? – повторила та.

– Ну конечно! Ты что, первый день меня знаешь? Обыкновенная шутка. Все у твоих родителей хорошо, и в помощи моей они не нуждаются. Впору, чтобы они мне помогли.

– Это точно? Ты точно тогда шутил, а не теперь?

– Честное пионерское! Ох, Таша-Таша, – дядя вздохнул. – Когда же ты повзрослеешь? В двадцать лет вроде уже пора. Честное слово, смотрю я на тебя и думаю: неужели до сих пор в старых девках ходишь? По нынешним временам уже в двенадцать без презерватива на улицу не показываются, одна ты у нас со странностями. Или, наконец, кого-нибудь завела?

– Не твое дело! – покраснев, ответила Таша.

– А почему не мое? У меня для тебя жених имеется. А то не знаешь? И, главное, любит тебя очень. Ведь для тебя же внешность наверняка не главное, так? – съехидничал Евгений Борисович. – Тебе важны чу-у-уйства!

Таша снова разозлилась.

– Если ты о своем Сергее Андреевиче, то я и слышать о нем не хочу! И не только потому, что он старый и толстый, а вообще – отвратительный, скользкий, беспринципный тип.

– Да, – охотно подтвердил Преображенский. – Зато богатый. Куда богаче меня. Вот станет моим племянничком – и подкинет мне бабок на развитие бизнеса. Впрочем, и бабок не надо. За ним такие силы – ему стоит слово сказать, и мне снова разрешат вернуть ларьки на прежнее место, к метро, а не куковать, как остальным, на отшибе. У метро знаешь какая торговля? Не зря теперь туда абы кого не пускают. Учти, таких денег, как он, тебе никто больше не предложит.

– Не нужны мне ваши деньги!

– Ну конечно, тебе же чу-у-уйства нужны. Так ты заруби себе на носу, дорогуля. Это пока ты свеженькая да молоденькая, так кое-кому требуешься, и на заскоки твои не очень обращают внимание. Нас, мужиков в возрасте, часто на свежатинку тянет. А станешь старше, никто тебя замуж-то больше не позовет – останешься одна со своими заскоками. Я, между прочим, серьезно говорю! И о Сергее Андреевиче – тоже серьезно. Он мне все уши про тебя прожужжал. Никто не требует, чтобы ты сразу ложилась в постель, но в ресторан с ним пару раз сходить – трудно, что ли? От тебя не убудет.

– Убудет, – хмуро парировала Таша. – Я не стану подавать ему надежд, которые не собираюсь оправдывать.

– О боже, какой детский сад! Да все ваши женские завлекалки состоят из надежд, которые вы не собираетесь оправдывать! Ума-то когда-нибудь собираешься набираться или так до старости и будешь в котят играть?

Преображенский, усмехнувшись, в очередной раз подхватил котенка. Тот пискнул.

– Не трогай его! – закричала Наташа, пытаясь отобрать питомца, нервно бившегося в чужих руках. – Ему больно!

– Вот и правильно. Пора тебе отвыкать от дурацких игрушек, а жить настоящей взрослой жизнью. Да какое тебе дело до этого живого куска мяса, а?

– Большое! Отдай! Он же живой!

Таше очень не хотелось снова оказаться в глупой роли человека, не понимающего шуток, и, тем не менее, она сейчас просто теряла голову, видя, как Евгений Борисович все крепче сжимает пальцы. Тот, довольный производимым эффектом, продолжал стискивать их вокруг маленького, серенького, пушистого существа, отчаянно бьющего лапками. Неожиданно раздалось короткое, хриплое мяуканье, тельце резко рванулось и обмякло. Несколько пораженный Преображенский раскрыл ладонь, и оно упало на пол.

Таша схватила еще теплый трупик, прижала к груди.

– Да куплю я тебе другого котенка, – растерянно пообещал дядя. – Не помоечного, а хорошего, породистого, самого дорогого. Хочешь?

– Я хочу, чтобы ты умер, – спокойно и внятно произнесла Наташа. – Чтобы тебя вот так же кто-нибудь убил. И я знаю, рано или поздно тебя обязательно убьют. Я прошу Бога, чтобы это сделала я. А теперь уходи!

Он ушел, а она рыдала, пока совсем не обессилела, а потом вырыла за домом могилку и похоронила там доверчивое существо, ожидавшее от жизни только хорошего. А после вспомнила про премьеру, но играть она сегодня не сможет, ей очень неудобно перед всеми, но она не сможет, вы же видите, Виктория Павловна, невозможно, невозможно!

Вика тихо всхлипнула. Было жалко котенка, жалко Ташу, но гораздо жальче себя и свою загубленную судьбу. Спектакль не состоится, студию закроют, и останется она, Вика, у разбитого корыта, одинокая, никому не нужная пожилая баба, которой прямая дорога в психушку. Пусть не совсем никому не нужная, ведь она нужна Лешке, но нужна деятельной и энергичной, а не опустившей руки истеричкой.

– Ничего страшного не случится, ведь в жизни всякое бывает, – продолжила уже не о себе Таша. – Студию не закроют, Виктория Павловна, это же невозможно! Я все время смотрю на вас и восхищаюсь, честное слово. Вы – настоящая подвижница. Вот говорят, все сейчас за деньги, а ведь вы всю душу нам отдаете, я вижу. Да они на вас молиться должны!

– Ох, Наташенька, – Вика лишь махнула рукой, – если бы так. Ты многого не знаешь. Если премьеры не будет, тогда точно сделают из нашей студии бильярдную, а надо мною будет смеяться весь город. Может, ты все-таки попробуешь, а? Ты ведь – артистка. Анна Павлова танцевала в день смерти своей матери, с температурой под сорок, но никто из зрителей ничего не заметил. Она считала, что зрители не виноваты и не должны пострадать. Подумай – они придут к нам, соберутся со всего города, и окажется, что это зря! Как мы будем перед ними выглядеть?

– Но, Виктория Павловна! Я ведь не говорю, что не хочу, – я не могу! Вы посмотрите на меня: я как вспомню про Ушастика, сразу слезы текут. Вдруг так будет на сцене?

– На сцене – не будет, – твердо заверила Вика. – Поверь моему опыту. Выйдешь на сцену – все забудешь. Там – другая жизнь, другой мир. Там тебе станет легче. Ты ведь попробуешь, родная, хорошо? Ради нас всех!

– Ох, хорошо. Я попробую, Виктория Павловна.

– Ты придешь? Обещаешь мне?

– Обещаю.

Еле волоча ноги после тяжелого разговора, Вика, не желая возвращаться домой, отправилась в Дом культуры, хотя было еще рановато. В пустом зале сидела Марина, какая-то зеленая и не слишком похожая на себя.

– Волнуешься? – догадалась Виктория Павловна. – Ну и видок – краше в гроб кладут. Подгримировать тебя, что ли?

– Никогда не стану больше писать пьес! – экспрессивно поведала та. – Что угодно, только не пьесы! И какой черт меня дернул, сама не понимаю? Может, отменить, пока не поздно? Сказать, что все мы заболели и умерли...

– В гроб меня вогнать хочешь? Сама знаешь, для меня эта премьера – вопрос жизни и смерти.

– Это тебе только кажется, – мрачно возразила Марина, – ты просто создала себе идею фикс, вот и все. А на самом деле здесь вопрос вовсе не жизни и смерти, а престижа и карьеры. Радует одно, – оживилась она, – что мы с тобою не актеры и нам не надо выходить на сцену. Я бы не сумела даже под угрозой казни. Меня сейчас просто шатает. – Помолчав, она безжалостно добавила: – Кстати, тут бродит Тамара Петровна, совершенно несчастная. Она считает,

ты завтра же выгонишь ее из студии. Я попыталась успокоить ее, что нет, но она не верит, что ради нее ты пожертвуешь Преображенским. Поскольку я тоже в это не верю, я, наверное, убеждала ее недостаточно красноречиво, да тут еще он сам вмешался, и она ушла вся в слезах. Поговори с нею ты!

– Не нервируй меня! – резко выкрикнула Вика. – Еще мне ее слез не хватало. Вот отыграем премьеру, тогда поговорю с кем угодно, а пока меня не трогайте! И ты не трогай, а то хуже будет!

Она встала и побежала за кулисы. Из мужской гримерки слышались резкие голоса, кто-то явно ссорился. Виктория Павловна меньше всего на свете хотела сейчас ввязаться в очередной скандал, поэтому собиралась быстренько прошмыгнуть мимо, однако не успела. Как ошпаренный, в коридор выскочил Кирилл, бормоча ругательства, и рванул в направлении подсобки. Кирилл славился спокойствием, почти флегматичностью, так что Вика легко догадалась – его собеседником был не кто иной, как Преображенский. «Сволочь! – подумала она. – Живого котенка придушил, да еще прямо в день премьеры, зная, что Таша такая чувствительная... Честное слово, Маринка права, и этот тип – энергетический вампир, который питается нашими эмоциями. Еще и улыбается, гад!»

Евгений Борисович действительно улыбался.

– Милая моя Виктория Павловна! Как это похоже на вас – прийти заранее, чтобы проверить, все ли в порядке. Такой трогательный, такой прекрасный, такой редкий энтузиазм!

«Так бы и двинула по роже», – мелькнуло у Вики в голове, а губы уже любезно произносили:

– Главное, что *вы* здесь! Зрители, критики – они ведь все, в первую очередь, придут ради вас!

– Да, – не стал спорить с привычной лестью собеседник. – Хотя свежая пьеса – это тоже интересно. Мы тут с Мариночкой обсудили ситуацию. Вы, конечно, не знаете, но у нее есть другие вещи, которые она тоже без проблем может переделать в пьесы или, например, в киносценарии. Представляете, как выигрышно, как эффектно – цикл детективных спектаклей одного автора. И в каждом я играю новую роль, совершенно не похожую на предыдущие. В первом убийцу, во втором героя-любownika, в третьем следователя. Мой талант преображения раскрывается в полной мере!

– О-о-о! – изумленно выдавила Вика.

– Разумеется, – безмятежно добавил Преображенский, – для такого масштабного проекта требуется добротная, профессиональная режиссура, а не примитивная самодеятельность. Мариночка полностью со мною согласна. Впрочем, вы ведь и не воспринимаете свое увлечение театром всерьез, правда? Так, женское хобби. Вы даже договора с нею не подписали, не поинтересовались, готова ли она продолжать сотрудничество. Я думаю, закрытие студии не очень вас огорчит, правда, Виктория Павловна? Я бы не хотел вас огорчать, вы мне так симпатичны! Этот милый, дилетантский энтузиазм – он просто чудесен. Но вы ведь сможете проявить его в какой-нибудь другой области, да? Одно дело, если б у вас был хотя бы небольшой режиссерский талант, но его же нет, согласитесь? Вы организуете что-то иное, не менее милое! Например, фитнес-клуб. Или клуб «Кому за тридцать». Помогать одиноким сердцам – это ли не благородная задача? Уверяю вас, я сам похлопочу, чтобы директор предоставил вам помещение. И попрошу похлопотать об этом Мариночку. Директор к ней неравнодушен, он не откажет. Надеюсь, вы на нас не в обиде? Вы же видите, что мы хотим вам только хорошего. Но своя рубашка как-то ближе к телу, такова жизнь.

Кровь стучала у Вики в висках – бум, бум, бум. Слова сливались, теряли смысл, превращались в гирлянду, в узор, странный, завораживающий. Голос актера, красивый, богатый интонациями и обертонами, лился журчащим потоком, накрывая с головой, не давая дышать. Наконец, хватило сил выдать:

– Я не очень поняла... вы говорите о закрытии студии?

– Ну да. Как трамплин для дальнейшего сегодняшней спектакль очень даже уместен. Зритель, критики познакомятся с Мариночкиным творчеством и увидят, как удачно оно оттеняет мою гениальную игру. Быть гениальным в роли современника – это потрудней, чем в роли Лира, однако мне по зубам. Но всякому будет ясно, что ваша режиссура – или, если говорить откровенно, отсутствие таковой – в лучшем случае не загубила спектакль и уж всяко не способствовала его успеху. А если кому это будет непонятно, я им объясню. Я, как вам известно, имею кое-какой вес в театральном мире. Успех должен быть нашим – моим и Мариночки. Вы со своей студией будете нам только мешать. Зачем нам такой шлейф за спиной? Да и вообще, – Евгений Борисович доверительно понизил голос, – не нравится мне, что будут болтать – мол, Преображенский играл в самодеятельности. Это пока я не собирался возвращаться в театр, мне было безразлично, а теперь – нет, теперь подобная болтовня ни к чему. А не станет студии, люди быстро забудут. Короче, я решил – а ну ее, эту студию, закрою-ка ее от греха подальше. Разумеется, я так и сделаю. Вы ведь не в обиде, Виктория Павловна?

И, неожиданно поцеловав молчавшую в оцепенении Вику в щечку, засмеялся:

– Боже, ну какая же вы прелесть!

И скрылся. А она осталась стоять в коридоре, разъяренная, ошеломленная, тихо, но с чувством повторяя: «Убью, сволочь! Убью! Убью!» Ей хотелось броситься за мерзавцем и выцарапать ему глаза, трясти его, колотить о стенку. Затем, чуть придя в себя, она горько констатировала: «А Марина – подкодная змея. Хоть бы предупредила, намекнула бы, а не строила козни у меня за спиной... Никогда бы не подумала, что она такая стерва. Еще посмела утверждать, что для меня театр – вопрос не жизни и смерти, а престижа и карьеры. Как будто не знает, что это не так!»

Но времени предаваться скорби не было – пора было поднимать занавес, зрители уже заполнили зал. «Пришла ли Таша?» – всполошилась Виктория Павловна. Да, Таша на месте, бледная, с крепко сжатыми губами, с глазами, глядящими в неведомую даль.

Премьера стала ее звездным часом. Никто и предположить не мог, что эта девочка умеет так играть! В ее совместных сценах с Преображенским у Вики в буквальном смысле стучали зубы. А ведь Вика помнила текст наизусть, видела репетиции десятки раз! Но такой накал неукротимой ненависти витал в воздухе, что становилось жутко. Впервые два полюса – добра и зла – были равны по силе. И впервые – они вдруг оказались чем-то схожи.

Впрочем, эти выводы, разумеется, принадлежали не Виктории Павловне, а Марине, которая с удивительным цинизмом бросилась к Вике в антракте, словно к лучшей подруге, и принялась в своей вечной дурацкой манере за идиотские, никому не нужные абстрактные рассуждения.

– И ведь в чем-то Таша права! – горячо восклицала она. – Действительно, когда даже самый порядочный человек берется судить другого, когда он уверен в собственной правоте, он ступает на тот самый путь, который от этой правоты уводит... Юная девочка, всего двадцать лет, а как глубоко она прочувствовала роль! Я раньше не верила, что актеру и впрямь требуется полный зал, чтобы проявить себя по-настоящему, а теперь убедилась. На репетициях Таша не выдавала и десятой части того, что сейчас. Удивительно, правда?

– Не очень, – холодно заметила Вика. – Просто ваш любимый гений задушил ее котенка. Котенка звали Ушастик.

Марина опешила, осеклась, глупо уточнила:

– Как задушил?

– Руками.

Виктория Павловна с удовольствием глянула в ошарашенное лицо собеседницы, однако развить успех не удалось – прозвенел звонок на второй акт.

После премьеры предполагался банкет для актеров и почетных гостей. Частично средства выделил тщеславный директор Сосновцев – кстати, он был тут как тут и с упоением крутился возле известных лиц. Частично Вика вложила свои деньги, взятые в долг. И теперь до нее вдруг дошло, что она сама себе вырыла яму. Они собрались здесь, влиятельные в театральных кругах люди, они станут есть, пить за ее счет... и попутно слушать Преображенского, который хотя и склочный тип, но из их среды, к тому же славится чутьем. И он известит всех, что режиссура никудышная, хотя текст хороший, игра же гениальная... И они будут кивать. Соглашаться и кивать! Лучше бы не было этого банкета, лучше бы ничего не было!

Подобные мысли терзали Викторию Павловну весь второй акт, и она мечтала, чтобы он длился вечно, потому что потом для нее начнется ад. Но спектакль, разумеется, завершился, публика принялась с энтузиазмом хлопать, актеры вышли на поклон, потом на сцену вытащили Вику, и Обалдевший поклонник вручил ей потрясающий букет. Букет выглядел так, словно этот тип сказал продавщице из цветочного ларька: «Сделайте, пожалуйста, самый красивый, какой только можно, и не считайтесь с ценой». Вика аж задохнулась от неожиданности и восторга, взяв в руки тяжелый, душистый сверток, на глазах ее выступили слезы, и она молча переводила взгляд с дарителя на подарок. «У вас широкая душа, – тихо заметил незнакомцу Преображенский. – От имени всей труппы приглашаю вас на банкет». Как будто не сам издевался над ним совсем недавно!

А дело было так. После премьеры «Лира» на сцену поднялся мужчина лет сорока пяти, явно собираясь присвокупить свои несколько гвоздик к немалому урожаю Евгения Борисовича, но, увидев появившуюся из-за кулис Вику, вдруг круто повернулся и отдал цветы ей. «Совершенно обалдел зритель, – удивленно констатировал тогда Преображенский, – мои цветы абы кому дарит».

Виктория Павловна не обратила на эпизод особого внимания, однако на следующем представлении глазастая Дашенька заявила:

– А ведь в зале сидит ваш поклонник!

– Какой поклонник? – изумилась Вика, и Дашенька простодушно пояснила:

– Ну, про которого Евгений Борисович сказал, что тот обалдел.

Все расхохотались, и прозвище Обалдевший поклонник прижилось. Прижился и он сам. Он ходил на каждый спектакль по много раз, не забывая преподнести Виктории Павловне по окончании хоть небольшой букетик. Причем познакомиться не пытался, поэтому Вика тешила себя надеждой, что обрела ценителя своего таланта. В качестве же настоящего поклонника он не был ей интересен. Во-первых, она продолжала любить Сашку и не думала о возможности появления в своей жизни другого мужчины, а во-вторых, уж слишком неказистый вид был у странного зрителя. Нет, не потрепанный, не ужасный, а именно скучный, бесцветный, неказистый. Ей это надо?

Однако теперь мысль об Обалдевшем поклоннике грела. И хорошо, что он будет на банкете, – пусть там окажется хоть кто-то, кому по-настоящему нравится Викино творчество, кто ее похвалит, защитит от нападков. Хотя неприятно, что пригласил его именно Преображенский. Мало того что пригласил – еще и шепчет ему что-то на ухо, и подмигивает! Неужели собирается перетянуть на свою сторону? Господи, что же делать? Как бороться?

Виктория Павловна не отличалась склонностью опускать руки в сложных ситуациях, но теперь энергия ее иссякла. Напряжение последних дней, разговор с Ташей, затем с ее дядей... Вика заранее настроилась, что главное – пережить премьеру, а там можно будет расслабиться, отдохнуть, и вот вожделенный миг настал, а расслабиться, выясняется, нельзя, надо продолжать бороться. «Надо!» – твердила она себе, а на деле покорно следовала за Евгением Борисовичем, виртуозно управлявшим ситуацией. Он был бодр, счастливо улыбался и принимал поздравления.

– Дорогие мои! – начал он, поднимая бокал с шампанским. – Я не зря посадил именно вас за свой стол. Именно вас я хочу видеть сейчас здесь, потому что...

Он сделал эффектную паузу, и Виктория Павловна успела оглядеться. Рядом с Преображенским красовалась его жена, Галина Николаевна, в вечернем платье, некстати открывающем крайне поблекшую шею. Таша и Дашенька по контрасту выглядели на редкость свежо. По правую руку Дашеньки, разумеется, находился Денис, около него Кирилл. С другой стороны от Евгения Борисовича – Сосновцев, пыжащийся от гордости. Он откровенно ухлестывал за змеей Мариной, которая пребывала в чудесном настроении и казалась почти красавицей. Да, еще за столом были мрачная, испуганная, вжавшая голову в плечи Тамара Петровна и Обалдевший поклонник.

– Именно вас я хочу видеть сейчас здесь, – повторил Преображенский, – чтобы... извиниться. Я виноват перед всеми вами! Виноват! – с упоением пропел он, демонстративно бия себя в грудь. – Но есть нечто высшее, управляющее моими поступками, и эта высшая сила заставляет меня делать то, что я делаю. Я не знаю, простите ли вы меня, да это и неважно. Главное, я попросил у вас прощения, попросил сегодня, в этот знаменательный, в этот – я не побоюсь этого слова! – великий день, и я пью теперь за вас, мои дорогие, и желаю вам счастья. Кто-то думает, наверное, что я сошел с ума, но один из вас понимает меня как никто, правда? Потому что наша встреча сегодня... этот важный разговор, который еще далеко не закончен и скоро продолжится...

«Он меня, что ли, имеет в виду? – зло подумала Вика. – Да он, похоже, еще не закончил свое гнусное дело. Чтоб его черти взяли!»

Она машинально обвела взглядом соседей, отметив про себя, что у них сейчас очень интересные лица, и выражение, лежащее на них, можно использовать для героев следующего спектакля. Галина Николаевна сжала губы в тонкую нитку, умудрившись при этом растянуть их в подобие улыбки. Таша остановившимся взором смотрит выше голов. Глаза Дашеньки округлились в искреннем удивлении, детский лобик наморщен в усилие понять, о чем идет речь. Денис набычился и сжал кулаки, а Кирилл застыл в ледяной неподвижности, словно статуя. Сосновцев, похоже, до предела чем-то возмущен, ему стало не до Марины, а она, кстати, аж подалась вперед, нервно вслушиваясь. Тамара Петровна не скрывает ненависти и горя, и даже Обалдевший поклонник – его зовут Игорь Витальевич – преобразился, сквозь его привычную бесцветность проступил легкий налет индивидуальности.

Продолжать тост Преображенский не стал, засмеялся и выпил. Остальные тоже выпили, зашумели, напряжение, витавшее в воздухе, рассеялось. Вика вдруг взяла и налила себе полный фужер водки, залпом опорожнила под изумленным взглядом Игоря Витальевича и почувствовала огромное облегчение, проблемы отступили далеко-далеко... плевать она хотела на проблемы! Время понеслось в бешеном темпе, подходили знакомые, поздравляли, восхищались, она улыбалась и кивала в ответ. А потом почему-то рядом возник Кирилл, он повторял одну и ту же фразу: «Виктория Павловна, что же теперь делать? Виктория Павловна, что же теперь делать?» Он мешал расслабиться, требовал ответа, и Вика неохотно взяла себя в руки, уточнив:

– Вы о чем, Кирилл?

– Там лежит его тело, – прошипел он. – Наверное, надо вызвать милицию?

– Чье тело?

– Да его, Преображенского, черт бы его побрал!

– В смысле... почему тело? Что вы имеете в виду, Кирилл? Пьяный?

– Скорее мертвый.

«Неужели повезло?» – мелькнуло в мозгу Виктории Павловны, но тут алкоголь мигом развеялся, и она негромко вскрикнула.

– Уверены, что он мертв? – раздался из-за плеча флегматичный голос Обалдевшего поклонника.

– Ну... мне так показалось... я не знаю... голова...

– Отведите меня туда, я посмотрю.

Кирилл нетвердыми шагами двинулся к выходу из буфета, за ним Игорь Витальевич, следом Вика. Они дошли до подсобки, и Кирилл мрачно информировал:

– Там.

Вика, заглянув, в ужасе закрыла лицо руками. Усомниться в гибели Евгения Борисовича было трудно – его голова превратилась в кровавое месиво. Что касается причины смерти, та тоже не подлежала сомнению – тяжеленный металлический блок. Когда-то он использовался для смены декораций, но затем вышел из строя и был перенесен сюда. Упав, блок, по нелепой случайности, придавил Преображенского, почему-то оказавшегося здесь в такой неподходящий момент.

Обалдевший поклонник, вытащив телефон, быстро нажал пару кнопок.

– Талызин говорит. Срочно отправляйте в ДК людей на труп. Что? Вероятно, несчастный случай, но уверенности нет. Я уже там. Жду.

Вика от изумления опустила руки и тут же в панике зажмурилась. Зрелище было непереносимым. Нет, пусть Преображенский был сволочью, пусть собирался разрушить Викину жизнь, но подобной участи не заслужил!

– Присядьте, Виктория Павловна. Вот так. Отсюда тела не видно. Мы должны побыть здесь до приезда группы. Страшная трагедия!

Виктория Павловна осторожно открыла глаза. Да, тела действительно не видно.

– Кошмар, просто кошмар! – вне себя выкрикнула она, но тут ее ум прояснился достаточно, чтобы созрел вопрос: – А кто вы, Игорь Витальевич? Почему вы... ну...

– Я, видите ли, следователь прокуратуры, причем данный участок – мой.

– Вы? – не поверила Вика. – Следователь?

– Да.

– И... и зачем вы тогда... зачем вы ходите к нам? У нас тут все хорошо... было.

– Ну, Виктория Павловна, следователь ведь тоже человек и имеет свои увлечения. Я люблю театр, а живу здесь поблизости. Услышал, что у вас выступает сам Преображенский, пришел посмотреть. Ваша постановка «Лира» очень мне понравилась. Если откровенно, я не сторонник всяких там новомодных штучек. Наверное, я консерватор. По крайней мере постановки предпочитаю традиционные, а их сейчас мало где встретишь. Вот и стал по возможности посещать ваши спектакли. А цветы – знак моего к вам уважения. Я ведь знаю, что вы – не только режиссер, но и душа этой студии. Все держится на вашем энтузиазме, вашем таланте. А цветы почему-то дарят исключительно актерам. Не очень-то справедливо, правда? А я во всем люблю справедливость.

Игорь Витальевич объяснял размеренно, несколько монотонно, и от этого Вика понемногу успокаивалась. К тому же слова следователя бальзамом омывали ее раны. То-то же, есть люди, восторгающиеся ее талантом, а этот самодовольный кретин уверял, будто таланта нет! Впрочем, она быстро вспомнила, что самодовольный кретин лежит в двух шагах с раздробленной головой, и мысли приняли другое направление.

Итак, бедный Евгений Борисович погиб. Интересно, успел ли он сделать свое черное дело и раскритиковать гостям Викину постановку? Хотя неважно. Если и да, то теперь эти высказывания померкнут по сравнению с ужасной вестью. Хотелось бы знать, как повлияет случившееся на резонанс премьеры? Конечно, нехорошо так думать, но Преображенскому уже не поможешь, а жизнь продолжается. Наверть бы, что он умер от сердечного приступа! Очень романтично, прямо как Мольер – почти на сцене. Все газеты с восторгом бы описали, а заодно похвалили спектакль. Но врать бесполезно, шила в мешке не утаишь. Все-таки удивительно

беспокойный он был человек, умел доставлять хлопоты окружающим! Какой черт занес его в подсобку? Какой черт не закрепил как следует блок? Словно нарочно – вчера забыли прикрыть люк, сегодня – новая напасть. И, что характерно, оба раза именно с Евгением Борисовичем. Не мытьем, так катаньем он должен был оказаться в центре внимания! Но теперь это – в последний раз. Не устраивать ему больше скандалов, не произносить монологов ни на сцене, ни в жизни, не притягивать зрителей гениальной игрой. Как он играл сегодня – уму непостижимо... и больше никогда, никто этого не увидит. Несправедливо все-таки устроен мир! Почему люди умирают, не успев полностью реализовать себя? Его дар был в самом расцвете.

Додумать до конца не довелось – прибыла вызванная Талызиным группа. Все обращались к Обалдевшему поклоннику с почтением, весьма Вику удивившим. Тщательно осмотрев подсобку, приехавшие заинтересовались блоком. Виктория Павловна не слишком-то разбиралась в технике, о чем честно и сообщила. В свое время ей хватило информации, что блок не работает, поэтому она попросила мужчин перенести его сюда. Кого именно? Наверное, Кирилл с Денисом. Да, Кирилл?

Тот неохотно согласился. Но, можете быть уверены, блок они хорошенько закрепили. Он, Кирилл, лично проверил надежность конструкции, Денис вам подтвердит! Кто мог ее разрегулировать? Ну, например, Тамара Петровна Полякова. Подсобка – ее вотчина, она тут днюет и ночует. Разумеется, она не стала бы портить что-нибудь нарочно, но женщина есть женщина, от нее нельзя требовать понимания важности определенных вещей, очевидных любому мужчине.

Приведенная в подсобку Тамара Петровна тут же разрыдалась, хотя тело успели увезти.

– Это правда? – восклицала она сквозь слезы. – Это правда?

– Что именно? – флегматично уточнил Талызин.

– Что Евгений Борисович... что Евгения Борисовича... что его больше нет?

– Правда.

– Горе, о боже, какое горе! – заламывая руки, причитала Тамара Петровна. – Какая потеря! Вы ведь видели его игру, да? Он был гений, настоящий гений, и вот его больше нет! Театральный мир осиротел. Он был последний из могикан, среди нынешних таких не встретишь...

Игорь Витальевич покладисто кивнул:

– Согласен. Пожалуйста, Тамара Петровна, попробуйте успокоиться и ответить на несколько вопросов. Что вы знаете об этом блоке?

– Он не действует, – несколько секунд подумав, заметила она.

– А как он оказался здесь?

– Ну... Виктория Павловна сказала, раз так, нечего ему загромаждать сценическое пространство. И совершенно правильно сказала. Мальчики перетащили его сюда.

– Какие мальчики?

– Дениска и Кирилл.

– Очень хорошо, – кивнул Талызин. – А вы с тех пор к нему прикасались?

– К кому? – удивилась Тамара Петровна. Она явно приходила в себя и уже не истерически рыдала, а лишь тихонько всхлипывала.

– К блоку.

– А, к блоку... Ну не знаю. То есть да, прикасалась. Пыль иногда протираю, если надо. А что? При чем здесь... Вы имеете в виду...

Игорь Витальевич поспешно ее прервал:

– Когда вы протирали пыль, он был хорошо закреплен? Не мог упасть?

– Ну... откуда мне знать? Не падал никогда, вроде держался. Так это он... он бедного Евгения Борисовича... у-у-у!

Она запричитала с новой силой, и ее тут же отпустили домой. Отпустили и остальных, предупредив, что некоторым придется явиться в прокуратуру по вызову, чтобы дать показа-

ния. Однако Виктория Павловна специально задержалась. Она надеялась, что Обалдевший поклонник, хоть и следователь, все же остается человеком и разъяснит ей перспективы. Раз он так ее уважает!

В буфете было безлюдно, лишь грязная посуда напоминала о недавнем застолье. «Все в страхе сбежали, – горько подумала Вика. – И все сделают вид, будто спектакля не было. И студию закроют». Сейчас эта мысль почему-то казалась не такой трагичной, как пару часов назад. Маринка права, это не вопрос жизни и смерти, а всего-навсего карьеры и престижа. Вопрос жизни и смерти, он был решен только что, и смерть опять победила жизнь. Неужели так бывает всегда?

– Вас довести до дома? А то уже поздно.

– Ой, спасибо! Что б я без вас делала?

Вообще-то Вика жила неподделуку, к тому же ее автомобиль стоял прямо под окном, однако грех было не воспользоваться случаем выпытать что-нибудь у Талызина по пути. А машина постоит ночь у ДК, тут место спокойное. Мысли о смерти отступили перед насущными проблемами, и жизнь в душе Виктории Павловны привычно и незаметно одержала очередную победу.

– Надеюсь, вы не станете обвинять бедную Тамару Петровну в... в небрежности? – осторожно поинтересовалась Вика, с недоумением отметив, что «жигуль» следователя почти так же стар, как ее собственный.

– У нас для этого нет ни малейших оснований, – успокоил ее Талызин.

– Она – очень добросовестная и порядочная женщина. А если что иногда и забудет...

Вике пришел на память открытый люк, но она сочла неуместным о нем упоминать. Милиционеры... ну или следователи, какая разница? – странный народ! Прицепятся, начнут что-то выдумывать. А Обалдевший поклонник – тем более странный. Сидит и молчит, будто не он задаривал ее цветами. Другой бы не упустил шанс, раз остался наедине. Ей этого, разумеется, не нужно, только все равно глупо с его стороны! Впрочем, тем лучше, что он дурак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.